

М.В. КАЛИНИНА
(Волгоград)

**О ДИАЛЕКТНЫХ НАИМЕНОВАНИЯХ
СТАРой ОДЕЖДЫ ДОНСКИХ
КАЗАКОВ (этнолингвистический
подход)**

Анализируются диалектные названия старой одежды. Представлены парадигматические связи внутри группы. Особое внимание в работе уделяется описанию того, как старая одежда, утрачивая практическую функцию, со временем может наделяться дополнительными символическими функциями и переходить в сферу духовной культуры.

Ключевые слова: казаки, языковая картина мира, старая одежда, вариантность, синонимия, полисемия, омонимия.

Исследование диалектной лексики особенно важно для изучения языковой картины мира, т. к. «любой диалектный словарь, заключая в себе сотни и сотни местных народных слов и выражений, представляет собой подлинную энциклопедию материальной и духовной культуры народа» [2, с. 11]. Не претендуя на абсолютную полноту охвата диалектного материала, попытаемся представить пласт наименований старой казачьей одежды и связанные с ними глаголы старения одежды. Представляется, что обращение к этим группам лексики позволит лучше понять картину мира донских казаков и поможет проследить за меняющимися процессами функционирования одежды.

Материал для исследования был собран путем сплошной выборки из различных лексикографических источников: «Большого толкового словаря донского казачества» [1], «Словаря донских говоров Волгоградской области» [8], словаря В.Г. Маслова [6], привлекались данные из «Словаря русского языка XI–XVII вв.» [10], «Словаря русских народных говоров» [9] и словаря В.И. Даля [3]. Необходимая информация была получена нами также в беседах с диалектоносителями Михайловского и Урюпинского районов Волгоградской области. Беседы велись с информантами старшей и средней возрастной группы. После каждого контекста приводятся год записи, фамилия, имя, отчество, год рождения информанта, а также населенный пункт, в котором была сделана запись.

В донских говорах, как и в любых других русских народных говорах, слов, обозначающих старую одежду, значительно больше, чем в общенародном языке, что обусловлено особенностями восприятия и номинации предметов окружающего мира диалектоносителями. Среди рассматриваемых лексем отмечаются в основном слова, представляющие собой обобщенные названия старой, ветхой одежды (22 единицы): *веретьё, гўни, гуніна, гуньё, гунья, гўны, гўня, дерюжка, жоболы, лохмотка, лохматіна, лохмыт, лохонь, лохон, лохун, лохонки, лохуны, лохонішки, хархуны, хоботья, хурда* и др. Зафиксировано только одно слово, в котором проявляется детализированный признак, гипоним *гнідник* – заношенное, старое платье [8, с. 110].

Для обозначения старой одежды, кроме однословных наименований, носители говоров используют и составные номинации (3 единицы): *гўня и шушўня* – о ветхой, оборванной и грязной одежде [Там же, с. 127], *лохмыт на лохмыте* – о ветхой, изношенной, старой одежде [Там же, с. 303], *гореть горма* – быстро изнашиваться (об одежде) [6, с. 41].

Время разрушает одежду, мешает использованию ее в быту. Г.В. Калиткина отмечает, что поскольку существование вещи оправдано только ее использованием, человек пытается защитить ее от старящего воздействия времени, «подновляя» [4, с. 8]. Эти процессы описываются глаголами *зашивать, латать, штопать, удлинять: натачиваю, а то каротка стала* (Гедр.), *заколбать, заколбнуть, заколбачить, наколбать* – ‘зашить кое-как’ (*Копта фся парвалась, нада накалбать* (Алдр.)), *латать* (*Латать – не за что хватать – о рваной, ветхой одежде* [8, с. 294]), *полатать* (*Нада платье палатать* (Бгд.)).

Таким образом, устанавливаются разнообразные глагольные связи с именами существительными, называющими старую одежду. Мы выделили наиболее употребительные группы глаголов, связанных с рассматриваемой группой одежды:

1) глаголы старения одежды: *излежаться* – ‘залежаться, испортиться от долгого лежания (об одежде)’ [1, с. 198], *пристареть* – ‘износиться’ [Там же, с. 425];

2) глаголы изношенности одежды: *пристареть* – ‘износиться’ [1, с. 425], а также составное наименование *гореть горма* – ‘быстро изнашиваться (об одежде)’ [6, с. 41]

(связаны с этой группой и причастия: *одеванный* – ‘не новый, поношенный’ [8, с. 376], *затёрханный* – ‘в поношенной одежде’ [1, с. 182], *износливый* – ‘1) старый, потрепанный (о вещах); 2) выдержанный, хорошо владеющий собой’ [Там же, с. 198], *остарелый* – ‘поношенный’ [Там же, с. 342], *отёрханный* – ‘вытертый, выношенный’ [8, с. 391], *потёрханный* – ‘потертый, старый’ [Там же, с. 465];

3) глаголы порчи одежды: *ухудить* – ‘привести в негодность, испортить’ [1, с. 547];

4) глаголы загрязнения одежды:
– сема ‘пачкаться, грязниться’: *варакаться, ватлатать, ватлататься, вачкаться, загвздать, задряпать, зачухать, изватлатать, извачкаться, обгалтоваться*;

– сема ‘испачкаться, намочиться водой’: *заболтаться, покáпиться, ухлюстаться*.

Известно, что многие диалектные слова когда-то имели общерусское распространение, что подтверждается показаниями древнерусских письменных памятников и находит свое отражение в «Словаре русского языка XI–XVII вв.». С утратой многих видов одежды слова, их обозначающие, уходят из литературного языка, но, изменив свои значения, еще сохраняются в донских говорах. Например, в изучаемой группе слов всего 3 наименования были зафиксированы в «Словаре русского языка XI–XVII вв.»: *гуня, веретьё, малахай*. Так, слово *гуня* в словаре имеет 2 значения: ‘1) верхняя одежда; 2) ветхая одежда’ [10, вып. 4, с. 159], а сейчас в донских говорах это слово употребляется только для обозначения тряпья, ветхой одежды [8, с. 127]. Словом *веретьё* в словаре называется полотнище, сшитое из грубого холста или рогожи; одежду, мешки, сшитые из них [10, вып. 2, с. 87], в донских говорах *веретьё* – ‘старая одежда, тряпье’ [1, с. 71], а слово *малахай* в XI–XVII вв. обозначало шапку на меху [10, вып. 9, с. 12], в современных же донских говорах эта лексема называет поношенную простую верхнюю теплую одежду [8, с. 310]. А вот слово *рубаше*, которое раньше обозначало ветхую одежду [10, вып. 22, с. 228], в словарях донских говоров отсутствует, но фиксируется в толковых словарях русского языка. Привлечение данных древнерусского языка помогает выявить дополнительные сведения по истории отдельных слов указанной группы.

Среди диалектной лексики можно выделить общедиалектные и собственно донские диалектизмы. К общедиалектным, т. е. словам,

зафиксированным в словаре В.И. Даля или в «Словаре русских народных говоров», относятся, например *веретьё* – ‘рваная, ветхая одежда; старье, лохмотья’ [9, вып. 4, с. 142], *лохмоты* – ‘ветхая, изношенная одежда’ [Там же, вып. 17, с. 162], *лохмотка* – ‘старая, рваная одежда’ [Там же, вып. 17, с. 162] и др.

Отметим, что отдельные общедиалектные слова в донских говорах могут иметь некоторые отличия в значении. Так, слово *малахай* в «Словаре русских народных говоров» имеет 5 значений ‘1) широкий кафтан без пояса; 2) длинный меховой халат; 3) длинная плеть, кнут; 4) небрежно, неряшливо одетый человек; 5) растяпа, разиня, нерасторопный человек’. В «Словаре донских говоров Волгоградской области» у этого слова отмечается только одно значение – ‘поношенная простая верхняя теплая одежда’ [8, с. 310]. Но *малахаем* перестали называть шапку на меху. Это слово дает интересный материал для исследования семантических сдвигов, диалектной мотивации и семантической деривации.

У лексемы *лохонье* в «Словаре русских народных говоров» зафиксировано 2 значения: ‘1. Ветошь, тряпье; ветхая, изношенная одежда. 2. Детская пеленка, подстилка в люльке’ [9, вып. 17, с. 164], а в донских говорах отмечается только одно – ‘старая, изношенная, ветхая одежда’ [8, с. 304].

Особый интерес для исследования представляют те единицы, которые не были зарегистрированы ни в словаре В.И. Даля, ни в «Словаре русских народных говоров», т. е. собственно донские диалектизмы. Приведем примеры: *хархунь* – ‘старая, изношенная одежда, лохмотья’ (Кчт.), *хурда* – ‘поношенная, потрепанная одежда’ (Нбк.).

В донской группе говоров существуют те же системные отношения между словами, что и в литературном языке. К наиболее важным закономерностям формирования и развития диалектной языковой системы относятся синонимия, омонимия, полисемия и вариативность (фонетическая, морфологическая, словообразовательная). Рассмотрим некоторые из этих закономерностей на примере лексики, называющей старую одежду.

В пределах рассматриваемой группы наблюдается значительное количество синонимов (*лохун, лохонки, лохонишки, лохмыт, хархунь, хархунь* ‘старая, изношенная одежда’, *лохунь* ‘лохмотья, белье’, *веретьё* ‘старая одежда’, *гунина* ‘старая одежда, тряпье’). Синонимия в говорах, как и в литературном языке,

ке, является важным стилистическим средством. Стилистическая градация синонимов зависит в полной мере от этических моментов: что грубо, что приятно, что допустимо. Большинство примеров употребления наименований старой одежды передают презрение казаков к изношенным вещам. Например: *Пара уш тебе смянить свой гнидник, муш, чай заработываить* (Клч.). Но есть контексты, в которых проявляется заботливое отношение к поношенной одежде: *Из лохунов такую одежду сошьют, диво забирает* [8, с. 304]. Действительно, казаки были бережливыми, одежду ценили, поэтому старые вещи не выбрасывали, а создавали из них новые комплекты. Это подтверждают и такие лексемы, как *шубницы* – ‘рукавицы, сшитые из куска старой шубы’ [1, с. 596], *лохмоты* – ‘пеленки из ношенной одежды’ [Там же, с. 269].

Среди анализируемых единиц нам встретились антонимы, выражающие противопоставление старой (*веретьё*) и новой (*новё*) одежды, а также противопоставление праздничной и будничной, поношенной одежды: *снаряды* – ‘праздничная казачья одежда’ [Там же, с. 497] – *хурда* – ‘поношенная, потрепанная одежда’ [8, с. 636]. Среди слов-омонимов в статье представлены только те, которые входят в разные лексико-семантические объединения: *веретье I* – ‘тряпье’, *веретье II* – ‘лесная площадь между двумя озерами’ [1, с. 71]; *гунник I* – ‘сборщик старых вещей’, *гунник II* – ‘скопление старого тряпья’ [Там же, с. 123]; *хурда I* – ‘1. Старость, болезнь, нужда. 2. О плохих, худых, болезненных ягнятах’, *хурда II* – ‘поношенная, потрепанная одежда’ [Там же, с. 564].

Среди исследуемых наименований зафиксировано явление полисемии, поэтому одно и то же слово в результате этого различными значениями может включаться в противоположные лексико-семантические объединения, т. е. одним значением входит в рассматриваемую нами группу слов, а другим (или другими) нет. Сюда относят такие слова: *гүни* в 1-м знач. – ‘старая одежда, обноска’; а во 2-м знач. – ‘пожитки’ [1, с. 123]; *дерюжка* в 1-м знач. – ‘покрывало, одеяло, сотканное из овечьей шерсти’, во 2-м знач. – ‘старая, обветшавшая одежда’ [8, с. 138]; *лохун* в 1-м знач. – ‘тряпка’, во 2-м знач. – ‘одежда, женские наряды’, а в 3-м знач. – ‘старые вещи’ [1, с. 269]; *лохмотка* в 1-м знач. – ‘лоскут, кусок материи, обычно бывший в употреблении; тряпка’, а во 2-м знач., с пометой *пренебр.*, обозна-

чает одежду [8, с. 303]; *хархуны* в 1-м знач. – ‘старая, изношенная одежда, лохмотья’, а во 2-м знач. – ‘комочки растений, прилипшие к шерсти животных’ [1, с. 554]; *хурда* в 1-м знач. – ‘общее название одежды’, а во 2-м знач. – ‘поношенная одежда’ [Там же, с. 564]. Необходимо отметить, что все-таки основную массу наименований старой одежды составляют однозначные слова, многозначные лексемы менее распространены.

Как известно, признаком системного устройства лексики является вариативность – способность языка передавать одни и те же значения разными формами. Среди наименований старой одежды в рамках донской диалектной зоны нами были отмечены следующие виды вариантов:

1) фонетические – лексемы, которые различаются качественным и количественным составом звуков при сохранении единства слова как номинативной единицы (*лохон* – *лохун*, *лохонішки* – *лохунішки*, *хархары* – *хархуны* – *хархань*);

2) акцентологические – лексемы, различающиеся местом ударения (*гүнья* и *гунья*);

3) словообразовательные – однокоренные слова, характеризующиеся одними и теми же грамматическими категориями, с близкими по значению аффиксами (*гунюшки* – *гунішки*);

4) морфологические – единицы, которые при равенстве производящей основы и лексического значения отличаются грамматическими характеристиками (*гүны*, *гүники* (мн.ч.) – *гуньё* (с.р., ед.ч.), *гуніна* (ж.р., ед.ч.); *лохун* (м.р.) – *лохуньё* (с.р.), *харханá* (ж.р.) – *хархун* (м.р.)).

Итак, «любая система в языке обладает достаточной гибкостью, чтобы допускать бесконечное число связей, отношений, свойств и их комбинаций» [5, с. 72]. Представленная классификация диалектных слов, обозначающих старую одежду, имеет переkreщивающийся характер, т. к. единицы, взаимодействуя, вступают в различные парадигматические отношения: гиперо-гипонимические, синонимические, антонимические, вариативности и др. Исследование парадигматических отношений донской лексики способствует постижению народной ментальности, выявлению специфики казачьей языковой картины мира.

Е.П. Осипова отмечает, что одежда кроме основного назначения – предохранения человека от влияния внешней среды, всегда имела определенную знаковую функцию, являясь выразителем половозрастной, социальной, а так-

же племенной, национальной принадлежности [7, с. 24]. Старая одежда тоже может выполнять сакральную, магическую функции. Например, у казаков шуба использовалась в свадебных обрядах. Во время одевания невеста стояла на шубе. Молодых венчали в шубе в любое время года. В Урюпинском районе до сих пор шубу бросают молодым под ноги, считая, что это принесет достаток в семью. Местные жители так объясняют этот обычай: *Шубу клали маладым пад ноги, штобы у них денних было столька, сколька варсинок на шуби* (зап. в 2004 г. от Федоровой Веры Александровны 1929 г.р., х. Карагичев Михайловского района).

Граница между бытовым и символическим значением старой одежды может быть подвижной. Например, в семье одной из наших информанток было несколько вещей, доставшихся от бабки и от матери. Они воспринимались ею как память об умерших родственниках: *У матери маей давно ф шкафу висело плюшевое полупальто, моднае очень тагда было. Всю жизнь так ф шкафу и прависело, мать ево ни насила, фсе жылела, хранила как память а сваей матери. Вот типерь у миня висит. Нихто насить не будит, а выбрачить жалка. Еце у бабки были сапошки каричнивыи, ис кожы, с миталлическими скобачками, на шнурофке, каблук 5-6 см. Эта прабабка Лёнка насила* (зап. в 2017 г. от Тихоненковой Натальи Григорьевны 1958 г.р., г. Урюпинск).

О.А. Сулейманова замечает, что некоторые семейные вещи, которые изначально воспринимались членами семьи как сугубо утилитарные, со временем могут наделяться дополнительным символическим смыслом [11, с. 75]. Они переходят из сферы материальной в сферу духовной культуры. В результате определение *старый* по отношению к одежде меняется на *старинный*: *Вот у меня старинна сорочка от бабки дасталась. Нада ее атстирать, ана как новая будит. Пакрывной платок еце есть, сичас их скупают дорага. А этат платок дастался бабке ф подарок ат кресника* (зап. в 2017 г. от Медведевой Любови Евгеньевны 1937 г.р., х. Карагичев Михайловского района). Появление у старой одежды духовного смысла связывается и со значимыми для человека событиями: *А винчальное платье – эта память маей матери, на свадьбу ей тада купали* (зап. в 2017 г. от Тихоненковой Натальи Григорьевны 1958 г.р., г. Урюпинск).

Таким образом, одежда может либо постепенно утрачивать практическую ценность, ста-

новясь старой, переходя в разряд хлама, либо, утрачивая практическую ценность, может приобретать символическую ценность. Тем самым она помогает воссоздать и сохранить историю и культуру народа, память о близких людях. В зависимости от того, используется одежда в утилитарной (предохранение человека от влияния внешней среды) или сакральной функции, предметы костюма могут функционировать как вещи, используя по своему прямому назначению, либо приобретают свойства знака, выступая в ритуальном контексте.

Список сокращений

Алдр. – б. станица Александровская (ныне в черте Ростова).

Гедр. – х. Государев Азовского района, Ростовская область.

Бгд. – х. Богданов Каменского района, Ростовская область.

Клч. – г. Калач-на-Дону, райцентр, Волгоградская область.

Кчт. – ст. Кочеттовская Семикараковского района, Ростовская область.

Нбк. – х. Небыков Котельниковского района, Волгоградская область.

Список литературы

1. Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003.
2. Герд А.С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия. СПб., 2005.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1999.
4. Калиткина Г.В. «Старые вещи» в диалектном дискурсе // Вестн. Томского гос. ун-та. 2008. Вып. 1. С. 5–17.
5. Маковский М.М. Соотношение необходимости и свободы в лексико-семантических преобразованиях // Вопр. языкознания. 1977. № 3. С. 55–72.
6. Маслов В.Г. Словарь говора Добринки (на материале говора Добринки Урюпинского района Волгоградской области). Шуя, 1993.
7. Осипова Е.П. Язык рязанского костюма. Наименования элементов народной одежды в рязанских говорах // Ряз. этнограф. вестн. 2004. Вып. 34.
8. Словарь донских говоров Волгоградской области / под ред. Р.И. Кудряшовой. Волгоград, 2011.
9. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. М.–Л., СПб., 1965–2007.
10. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–.

11. Сулейманова О.А. «Семейные вещи»: к интерпретации понятия // Труды Кольского научного центра РАН. 2010. Вып. № 2. С. 68–79.

* * *

1. Bol'shoj tolkovyj slovar' donsogo kazachestva. M., 2003.

2. Gerd A.S. Vvedenie v jetnolingvistiku: kurs lekcij i hrestomatija. SPb, 2005.

3. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka: v 4 t. M., 1999.

4. Kalitkina G.V. «Starye veshhi» v dialektnom diskurse // Vestn. Tomskogo gos. un-ta. 2008. Vyp. 1. S. 5–17.

5. Makovskij M.M. Sootnoshenie neobходимosti i svobody v leksiko-semanticheskikh preobrazovanijah // Vopr. jazykoznanija. 1977. № 3. S. 55–72.

6. Maslov V.G. Slovar' govora Dobrinki (na materiale govora Dobrinki Urjupinskogo rajona Volgogradskoj oblasti). Shuja, 1993.

7. Osipova E.P. Jazyk rjazanskogo kostjuma. Naimenovanija jelementov narodnoj odezhdy v rjazanskih govorah // Rjaz. jetnograf. vestn. 2004. Vyp. 34.

8. Slovar' donskih govorov Volgogradskoj oblasti / pod red. R.I. Kudrjashovoj. Volgograd, 2011.

9. Slovar' russkih narodnyh govorov / pod red. F.P. Filina, F.P. Sorokoletova. M.–L., SPb., 1965–2007.

10. Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv. M., 1975–.

11. Sulejmanova O.A. «Semejnye veshhi»: k interpretacii ponjatija // Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN. 2010. Vyp. № 2. S. 68–79.

About the dialect names of old clothes of Don Cossacks (ethnolinguistic approach)

The article deals with the dialect names of old clothes. The paradigmatic connections within the group are presented. Special attention is paid to the description of the way the old clothes, losing any practical function, get some additional symbolic functions and move into the sphere of spiritual culture.

Key words: *Cossacks, language picture of the world, old clothes, variance, synonymy, polysemy, homonymy.*

(Статья поступила в редакцию 22.01.2018)

Л.А. ШЕСТАК
(*Волгоград*)

«К СЛОВАМ ПРИВЫКАЕШЬ ДЕНЬ ОТО ДНЯ, А ОНИ ПЕРВОРОДНОГО СМЫСЛА ПОЛНЫ...» (С. ОСТРОВОЙ): НА ПОЛЬСКОМ, РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ МАТЕРИАЛЕ

Описывается референциальный аспект языковой картины мира (соотношение культуры и языка, а также функции языкового образа). Типы метафор (ландшафтная, зооморфная, фитоморфная, социоморфная, военная, метафора быта – гастрономии и одежды) рассматриваются на материале польского, русского, английского и французского языков.

Ключевые слова: *образ, языковая картина мира, ландшафтная, зооморфная, фитоморфная, социоморфная, военная метафора, метафора быта.*

Окружающий человека мир воплощен в образы соборов, вещных символов, значений слов и дидактику пословиц. И все они хранят «первородный смысл» культуры. Культура – сублимация человеческого представления о мире [3]. Античность – это **территориально-духовная объединенность и равноправие:** город-государство (полис), равное участие в экономическом производстве (обработка земли семьей), политическом управлении полисом (выборность), религиозных отправлениях (отсутствие профессионального жречества как сакрально-государственной структуры), общественно-культурной жизни (**агональность** публичных форм бытия, демократическое право вердикта у слушателей и зрителей и **диалогичность**, минимальная иерархичность общественных отношений) [2, с. 38–44]. Принципы жизни – культурная замкнутость (эллыны и варвары), цикличность земледельческой экономики, демократичность общественной жизни, антропоморфизм как принцип «измерения» Космоса, в частности, физиологичность принципа «золотого сечения» (красиво то, что соразмерно среднему росту человека и уровню его зрения), общественный идеал (*Достойно прожить жизнь – значит возвысить свое государство военным подвигом, новым научным открытием, спортивным рекордом или прекрасной статуей, чтобы тебя помнили и на твоём примере вос-*